

ГОД НАУКИ
2017

Л. Г. Емельянов

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ ДЕТСТВА

Коллектив авторов
Леонид Григорьевич Емельянов
Горькая доля детства.
Рассказы о днях оккупации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29407551

Горькая доля детства. Рассказы о днях оккупации: Беларуская навука;

Минск; 2017

ISBN 978-985-08-2123-2

Аннотация

Собраны воспоминания детей войны, переживших безмерные ужасы и беды оккупации в разных местах нашей великой Родины, которая тогда называлась Советский Союз. Они уцелели в том аду. Позднее стали исследователями в различных областях отечественной науки. Многие смогли достичь значительных успехов. Книга будет полезна преподавателям школ, вузов в деле воспитания патриотизма, а также всем читателям, интересующимся историей Великой Отечественной войны.

Содержание

Под стопой войны	6
В оккупированном городе (вспоминает Евгений Бабосов)	12
Когда в доме враг (вспоминает Иосиф Богдевич)	22
Самолеты над пущей (вспоминает Владимир Гниломедов)	27
Дети войны (вспоминает Иван Лиштван)	34
Дорогами испытаний (вспоминает Владимир Логинов)	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

сост. Л. Г. Емельянов

Горькая доля детства.

Рассказы о днях оккупации

© Емельянов Л. Г., составление, 2017

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2017

* * *

*Играйте же, дети! Растите на воле! На то вам
и красное детство дано...*

Н. А. Некрасов. Крестьянские дети.

*Дети и война – нет более ужасного сближения
противоположных вещей на свете... Призванные
самой сущностью детства жить на воле, в 41-м
они в одночасье потеряли это свое законное право.
Александр Твардовский. Военный дневник.*

*Война переехала и через меня и если не запахла,
не искалечила, не задушила, тяжесть ее все равно
невозможно сбросить с плеч. Она – во мне, часть
моего существования, обугленный листок биографии.
Борис Васильев. Летят мои кони. Повесть о своем
времени.*

– Мама, мы успеем вырасти? – спросили девочки-

близнецы, имея в виду войну.

Даниил Александрович Гранин. Причуды памяти.

Под стопой войны

*Знакомым и незнакомым моим ровесникам –
детям Второй мировой, ставшими ее невольными
свидетелями и заложниками, посвящается*

Минуло 70 с лишним лет, как отгремели последние залпы Второй мировой – самой ужасной из всех случившихся на Земле войн. В развязанной Гитлером бойне погибло 58 миллионов человек, в том числе 28 миллионов советских граждан. Такой страшной ценой, морем пролитой крови досталась нашему народу победа над немецким фашизмом.

О войне принято писать ее непосредственным участникам. Но самым юным из них в начальный ее период – девятнадцатилетним – сейчас уже девяносто четыре и лишь малая толика их перешагнет этот почтенный рубеж. Рассказывать о тех днях, которые человечество не должно забывать, скоро станет просто некому.

Но тот военный пожар и разруху видели и расширенные от страха детские глаза, впитывала впечатлительная детская память. Им тоже есть что вспомнить. И надо поспешить услышать их голоса, пока они еще звучат во Вселенной. Ведь это последние, тоже уже быстро уходящие из жизни, свидетели той далекой трагедии и ее невольные заложники. Война калечила их души и судьбы, многих забрала с собой навсегда,

когда они еще не выросли из коротких штанишек. В каждые из 1418 ее грозных дней погибало по статистике 13000 детей, женщин и стариков, не говоря уже о многочисленных калек. А выжившие поднимали страну из руин вместе со стареющими матерями и израненными отцами. Часто и без последних. При этом росли и учились сами, становились строителями, инженерами, учеными, кадровыми военными и другими полезными стране людьми. Как пел Владимир Высоцкий: «Дети бывших старшин да майоров до ледовых широт добрались». А затем и до космоса.

В книге собраны воспоминания тридцати трех военных малолеток, сполна хлебнувших горестей оккупации и ставших впоследствии исследователями в разных областях отечественной науки. Многие из них смогли достичь в ней значительных успехов. А ведь этого могло и не быть, попади они под каток смерти еще в босоногом детстве. Страшно подумать, сколько еще даровитых людей наша страна потеряла в этой кровавой мясорубке. Они умерли на заре жизни, так и не утвердившись на земле, не успев раскрыть свои способности и таланты.

Несколько особняком стоит в книге рассказ летчика-истребителя, полковника Алексея Кондратенкова. Но он здесь не случаен. Профессиональный рост этого хорошо знакомого мне человека показателен для нашего поколения, стремившегося несмотря ни на что к знаниям, и это прекрасный пример настойчивости для нынешних мальчишек, вступаю-

щих в жизнь. Война повлияла на выбор его трудового пути. Лежа в сорок первом вместе с мамой и другими беженцами под обстрелом «мессершмиттов» на стратегической дороге Витебск-Смоленск, он сполна ощутил, что значит быть беззащитным от вражеских осколков и пуль, в любую минуту готовых пронзить твое легкоразрушаемое тело. И уже тогда решил, что если выживет, непременно пойдет в авиацию, чтобы охранять мирное небо от таких вот незваных гостей. Вопреки всем трудностям он осуществил свою мечту.

Не раз приходилось слышать и читать, что ветераны Второй мировой неохотно рассказывают о военных буднях. Даже спустя десятки лет, тяжел для них этот кровавый след в памяти. Похожие чувства испытывают и дети войны. Страхи от бомбежек, артналетов, перестрелок, от растерзанных взрывами тел, от неприятных встреч с самими завоевателями до сих пор живут в их израненных душах. Кому охота снова окунуться в перенесенные некогда страдания? Один из моих близких товарищей, не склонный к эмоциям, рассказывая о тех суровых годах, дважды начинал плакать. Так сильно переживал. До слез волновались и другие.

Ушедшая в историю война не перестает тревожить тех, кто в ней участвовал или видел ее последствия. Я сужу об этом и по собственным ощущениям. В дни наступления на Смоленск, подавляя огонь советских зениток за околицей, немецкие самолеты сбросили восемь авиабомб и на нашу крошечную деревеньку. Жуткий их визг помнится всю

жизнь. Казалось, что они летят прямо на голову и через какую-то секунду от тебя, сжавшегося от страха живого комочка, ничего не останется. Запечатленная картина не раз потом воскресала ночами и мать долго не могла меня успокоить. Даже теперь, когда смотрю фильм или военную хронику и вижу, как на мирные селения сыплется сверху смертоносный груз, становится не по себе. Потому как знаю, что чувствуют под ним люди. Врагу такого не пожелаешь!

Чем дальше уносятся военные годы, тем тягостнее память о них, особенно в свете кровавых событий в теперешнем мире. У состарившихся детей тех лет подрастают уже внуки и правнуки. Пусть же рассказы о том, что такое враг в родном доме, услышат наши новые поколения – наследники отцов и дедов Второй мировой, выросшие без страха быть убитыми или искалеченными. Возможно, это кому-то поможет лучше понимать и ценить главное, что теперь имеем – мир и спокойствие на родной земле.

Надеюсь на дальнейшее продолжение работы, если, конечно, не помешают годы и здоровье. Тема великого человеческого бедствия того заслуживает. Для миллионов наших граждан это одна незаживающая рана. О военном времени, разумеется, будут писать и после нас, но лучше знать правду из первых уст. Это последний шанс ее услышать в таком виде, не надо ничего домысливать. Люди моего поколения, к сожалению, стремительно уходят в мир иной. Только за год работы над рукописью не стало троих из моих рассказчиков.

производившем для гитлеровских войск смертоносное оружие, он вытащил из кармана пиджака заржавленный осколок и произнес: «Вот, возвращаю вам с Мамаева кургана. Больше не разбрасывайте!»

Услышат ли зачинатели войн этот благоразумный призыв?

Леонид Емельянов

В оккупированном городе (вспоминает Евгений Бабосов)

Родился 23 февраля 1931 года в городе Рязани. Исследо-

ватель в области философско-методологических проблем научного познания. Академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь.

Л. Е.: – Евгений Михайлович, помните ли тот черный для страны июньский день 1941 года, когда немецкие войска вторглись на нашу территорию?

– Еще бы не помнить! Перед войной я, десятилетний пацан, посещал Дом пионеров, где, обладая неплохим голосом, пел в детском хоре. 22 июня мы должны были собраться, чтобы выступить с очень популярной тогда песней про танкистов: «Броня крепка и танки наши быстры...» По этому случаю оделся, как было принято, в парадную форму: белая рубашка, черные брючки. Все тщательно выглажено. А дальше вот такая картинка: мать идет с тарелкой супа, чтобы меня накормить перед уходом, тем более, что близится время обеда. И оба мы слышим из динамика чеканный голос Молотова, возвещающий о начале войны (он, кстати, а не Сталин произнес тогда впервые фразу: «Наше дело правое, победа будет за нами!», высеченную потом и на медали).

При этих словах мама выронила из рук тарелку с супом, которая шлепнулась об пол и разбилась...

Л. Е.: – Минск, если я не ошибаюсь, немцы начали бомбить уже на второй день войны. Как спасалась ваша семья?

– Отец, работавший в партийных органах, находился в это

время в командировке. Назавтра соседи стали собираться в эвакуацию. Папа появился только 25 июня. Поехал в обком партии, а там никого, один дежурный милиционер. Сидит на месте, поскольку не получил никаких указаний и не может без этого покинуть свой пост. Отец его отпустил, написав от своего имени письменное разрешение.

После этого мы всей семьей тоже пошли на товарную станцию (жили мы от нее неподалеку), где с большим трудом втиснулись в последний вагон товарного поезда, отправлявшегося в Могилев. На станции в это время горели склады с горючими материалами в больших емкостях. Подожгли свои, чтобы не досталось врагу. За Смолевичами налетели немецкие самолеты и состав наш разбомбили. Паровоз и три вагона полетели под откос... То, что я увидел после, трудно вспоминать и теперь: искореженные вагоны, трупы детей, женщин и стариков, кровь и стоны раненых. Долго снился потом и свист бомб, казалось, над самой головой, и вой сирен, которые летчики включали для большего устрашения, и груды мертвых и израненных человеческих тел. Впервые в своей жизни я столкнулся с такими ужасами.

Выбрались на шоссе Минск-Могилев. Видим, солдаты. Человек тридцать, в колонне по три. Отец к командиру с вопросом: «Что делать?» – и начинает объяснять ситуацию. «А ваши документы?» – слышит от командира. И тут же следом: «Стрелять умеете?»

– Конечно, – отвечает отец. – У меня воинское звание лей-

тенант.

– Тогда вот вам пистолет. Военной формы у меня нет. Ее и дополнительное оружие добудете со временем сами.

А дальше такое видение: уходит на восток отряд в красноармейской форме и замыкает его мой папа в темно-синем костюме. Вернется или нет? Всю войну нас мучил этот вопрос. Много раз после освобождения я бегал на товарную станцию в надежде увидеть его среди возвращающихся, но все напрасно...

Следующее острое ощущение, которое постоянно преследовало меня: желание жрать. Не просто есть, а именно жрать. Жили-то в абсолютной, можно сказать, бедности. Все время хотелось кушать. Крошку хлеба я потом никогда не выкинул. Все, что было в хате, кроме книг, мать меняла на еду. С этой целью вместе с другими женщинами доходила даже до Мирского замка на Гродненщине. У немцев иногда удавалось выменять за десяток яиц ведро картофельных очисток из столовой. Тогда мама делала из них так называемую «бабку». После войны я не то что есть, смотреть на нее не мог, хотя сделана она уже была из настоящего картофеля.

Какое-то время побыли в деревне (не помню в какой) и вернулись домой. Тем более, что хозяин торопил. Прибыли в Минск, а квартира занята немецкой прислужницей. Командует матери с ходу: «Забирайте свое и щенка своего с собой забирайте и уходите!» Делать нечего, собрали пожитки и переселились на Грушевский поселок.

Жили в оккупации впроголодь. Донимал и холод. Зимой спал в пальто, только ботинки снимал. Одно из стекол в окошке было разбито. Дыру закрывали подушкой до тех пор, пока мама не упросила кого-то вставить стекло. Несмотря ни на что, читал запоем книги, которых было много. Даже «Краткий курс истории ВКПБ» прочитал. В главе об историческом и диалектическом материализме ничего, конечно, не понял. Но вот, как интересно, судьба повернулась. Окончил БГУ, а в дипломе было написано: «Преподаватель философии. Диалектический и исторический материализм».

– На улицу при немцах, наверное, вас старались не пускать?

– Нет, почему же. Видел, как на Суражском рынке вешали наших – молодого парнишку в кепочке (так в ней и повесили) и девушку, у которой спереди был прикреплен плакат: «Мы стреляли в немецких солдат». А всего тогда казнили шесть-семь человек. Причем не немцы, а полицаи. Немцы только смотрели и руководили. Многие жители при этом плакали, хотя плакать не разрешалось. Того юношу в кепочке и сейчас вижу, как живого...

Позже, на улице Энгельса, неподалеку от теперешнего театра имени Янки Купалы вешали Казинца и членов его подпольной группы. Согнали народ для обозрения.

Осталась в моей памяти и еще одна казнь. Особая. Когда освободили Минск. В военном трибунале рассматривалось дело о зверствах фашистов. Вешали их на ипподроме, ко-

торый располагался на излучине Свислочи возле улицы Лодочной. Все, кто мог, пришли на эту казнь. Было холодно, ветрено, но народ не уходил. В толпе стоял гул одобрения. Сначала повесили двух, если не ошибаюсь, генералов, потом трех или четырех офицеров по убывающему рангу. Все они были эсэсовцами. Последним, я это хорошо запомнил, был казнен обер-лейтенант Вильгельм Кох. Он лично уничтожил 147 детей при карательных операциях в белорусских деревнях и поселках. Брал ребенка за ноги и об угол хаты. Настоящий фашист.

– А каким запомнилось освобождение?

– Перед освобождением Минска начались уже наши бомбежки. Немцы шарили по небу прожекторами и иногда ловили советские самолеты в перекрестие лучей. Но им каким-то образом удавалось ускользнуть из зоны обстрела. И лишь однажды я видел, как наш бомбардировщик сбили. Он упал где-то за городом.

А накануне праздника 8 Марта скопления немецких войск на Товарной станции и на территории Белполка атаковали с воздуха женщины-летчицы под командованием знаменитой Валентины Гризодубовой, Героя Советского Союза. Бомбили хорошо. И сбросили листовки, в которых поздравляли женщин с наступающим праздником. В конце было написано: «Ждите нас и надейтесь. Мы вернемся с победой! С большевистским приветом Валентина Гризодубова». Цитирую по памяти. Листовка эта долго хранилась у меня, но где-

то затерялась.

Ну и последний аккорд войны в Минске. Ночь 3 июля. Много бомбила наша авиация, мы прятались в землянках. А утром – рокот. Какой-то мужчина, видать, бывший военный, говорит: «А ведь это наши танки грохочут по развалинам». Что в хронике показывали – вранье. Помните, на танке стоит подполковник и над ним Красное знамя развевается. Такого не было. Танки шли в боевом порядке с задраенными люками и на большой скорости. Можно сказать даже, что не шли, а мчались по улице Советской, мимо Дома правительства, за западный мост и далее в направлении аэропорта, где колонна разделилась надвое. Они рвались вперед, чтобы замкнуть котел окружения.

Когда колонна проследовала, минут через семь показался еще один танк с солдатами на броне и среди них седеющий пожилой дядька без каски, похожий по знакам отличия на старшину. Женщины ринулись навстречу. Дарили солдатам цветы и все, что могли. Обнимали и целовали, улыбались и плакали одновременно. Пожилой дядька соскочил с брони и взял девочку-малышку на руки. Он гладит ей волосы, целует и плачет, а на груди его, на правой стороне отчетливо выделяется значок «Гвардия». Может быть, были и медали, как и у других, но я почему-то запомнил именно этот знак. Женщина подарила ему кусочек сахара. И где только она его нашла?! Может забрала у этой вот девочки, своего ребенка? Но, что убеленному сединами бойцу сахар, когда на руках

такая драгоценность – дитя. Может он вспомнил, что и своя такая вот крошка его дожидается и никак не дождетя...

– А как сложилась судьба ушедшего на фронт отца?

– Наконец-то он подал весточку. Получили от него письменный треугольник, а в нем такие слова: «Не волнуйтесь, все нормально. Нахожусь на берегу моря».

– Какое в Германии море? – удивилась мама.

– Балтийское и Северное рядом, – пояснил я. – Посмотри на карту.

Но мы оба заблуждались. Он был на Дальнем Востоке в распоряжении маршала Василевского. Участвовал в разоружении Квантунской армии и передаче оружия армии Мао Цзэдуна. Задержали там его до марта 1946 года.

Помню, как он и с ним трое офицеров сидят у нас за столом и выпивают. Комната полна народу. Один из фронтовиков говорит: «Давайте споем нашу, любимую?» И затянул, а друзья тут же подхватили:

Бьется в тесной печурке огонь,
на поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
в белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
как тоскует мой голос живой...

Знаменитые слова Алексея Суркова, написанные в трудном сорок первом. Отец любил эту песню и всю войну пел, кроме дней, когда лежал раненым в госпиталях. И вот они, обнявшись, поют за столом, а женщины рыдают в голос. Настолько за душу берет. Ведь у многих мужья так и не вернулись с фронта.

А отец вспоминал, как воевал в этих самых белоснежных полях под Москвой и едва там не погиб. Когда отступали в сорок первом, рядом разорвалась мина и перебила обе ноги. Солдат, рядовой, молодой парнишка лет восемнадцати из ополчения сказал тогда: «Старлей! Я вам помогу!» И понес на своих плечах. Папа видит, что тяжело ему двигаться по снегу, не донесет, а немцы уже близко. И приказывает: «На пистолет, пристрели!»

Взял тот пистолет, навел и тут же опустил. «Не могу, – говорит. – Снимай шинель!» И поволок его дальше на шинели по морозу. Дотащил до медсанбата и спас. Правда, отец при этом сильно простудился. Получил воспаление легких.

Но это еще не конец истории. После войны этот парень нашел отца и они встретились. Виделись не раз и потом. А когда папа умер, я отыскал адрес его спасителя и сообщил ему об этом. Он приехал на похороны. Говорил речь и плакал. Крепкий широкоплечий мужик стоял у гроба и плакал. Такой вот был человек... Он родом из Подмосковья. Приезжал и на сорок дней, и еще один раз. Потом наши связи разорвались, но вспоминаю я этого человека с большой теплотой

и уроки фронтовой, бескорыстной дружбы, крепче которой, наверное, нет ничего на свете.

**Когда в доме враг
(вспоминает Иосиф Богдевич)**

Родился 28 августа 1937 года в деревне Василишки Щучинского района Гродненской области. Исследователь в области почвоведения и агрохимии. Академик НАН Беларуси, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь, лауреат Государственной премии Республики Беларусь в сфере науки.

В нашем местечке, бывшем одно время даже центром района, до войны насчитывалось 3,5 тысячи жителей, из них около 2000 евреев, проживавших в каменных домах и занимавшихся в основном торговлей. Остальные – поляки и белорусы. Можно сказать, интернационал. Каждый молился своему богу и ходил в свою церковь.

О том, что началась война, узнал от взрослых. Немцы впервые появились в деревне на мотоциклах. Репрессии в первое время не проводили. Они начались, когда возникло партизанское движение. А зародилось оно быстро, где-то в 1942 году. В наших местах действовали как польские партизаны из армии Крайовой, получавшие указания от эмигрантского правительства в Лондоне, так и советские. Те в разговоре утверждали, что командиры у них из Москвы. В этой боевой коалиции существовал как бы нейтралитет – между собой не враждовали, хотя и дружбы особой не чувствовалось. Враг у них в то время был один – фашистская Германия. Наши сельчане воевали в обеих лесных группировках.

Немцы в период оккупации появлялись обычно днем. Установили населению какие-то налоги, но не брезговали и прямыми поборами в деревенских хатах. Всеми делами заправлял немецкий комендант с помощниками-полицаями. Партизаны (и наши, и польские) приходили по ночам. С оружием. Вели себя вежливо, не грабили. И те, и другие деликатно просили еды – не просто поесть, а с собой. Родители давали.

Первое время партизаны коменданта с его командой не трогали, но в сорок втором расстреляли. И в тот же день нагрянули каратели. Это были эсэсовцы, их уже все хорошо знали по особым мундирам. Мы с отцом (невоеннообязанным по состоянию здоровья) и старшим братом сразу же бросились в лес, который начинался за околицей. Они смогли проскочить незамеченными, а передо мной во ржи вырос эсэсовец с автоматом. Повел назад в дом. До сих пор помню, как мне было тогда страшно. А в доме мать с грудным братиком на руках, поэтому никуда и не побежала. Командует ей: «Собирайся! Пошли на площадь!» И уже по пути спросил: «Где твой муж?»

– Уже на площади, – не растерявшись, соврала мама.

– Тогда возвращайтесь!

А на площадь уже сгоняли всех мужчин, чтобы расстрелять. Но новый комендант сказал: «Тогда расстреливайте и меня!» Понимал, что партизаны после этого его непременно тоже убьют, как и его предшественника. И казнь отменили.

Редкий случай в карательной практике.

После этого народ убежал в лес, как только каратели появились на горизонте. Хотя, конечно, и там не было спасения.

Евреев немцы сразу же взяли на учет и через какое-то время согнали в гетто. За укрывательство их грозил расстрел, но у нас был схрон, закрытый сверху землей и со входом со стороны сарая. Там около недели прятались несколько евреев, а потом куда-то ушли.

А старший мой брат Иван, подросток в возрасте 15 лет, ушел в партизанский отряд, как только он образовался. Ночами иногда приходил домой, ставил автомат в угол и мне всегда так хотелось хотя бы погладить настоящее оружие. Но он не разрешал к нему прикасаться.

Однажды в 1942 или в 1943 году во время его ночного визита и разговора с родителями раздался стук в дверь. Брат, не дожидаясь кто там, отодвинул штору и сиганул в окошко. В дом вломились немцы с полицаем. Все вверх дном в нем, а также в погребе и сарае перевернули. Кто-то высмотрел и сообщил оккупантам о ночном госте. Знали, зачем шли.

Перед приходом наших мы уехали на хутор. В доме осталась только бабушка, отказавшаяся покинуть жилище. Немцы, уходя, прошлись по центральной улице с огнеметами и выжгли каменные еврейские дома (такие были только у них). Самих евреев еще раньше угнали в гетто. Может и остальные бы сожгли, да времени не хватило. За Василишки уже шел бой. Бабушка под вой снарядов и в огнях пожарищ поливала

водой крышу и деревянные стены.

Артогнем была сбита башня с костела. Говорят, что на ней сидел немецкий коррективировщик. Выгорел и сам костел, остались одни стены.

Дом наш, благодаря бабушке, остался цел. Какое это было счастье, когда мы вернулись! Пожар вокруг был настолько сильным, что треть яблок в саду попеклась. Берешь яблоко с ветки, ешь, а оно печеное.

После освобождения брата забрали в армию. Он погиб уже после взятия Берлина. Где-то в 1946 году. Переселяли поляков туда, где раньше были немцы. Там его и нашла чья-то пуля.

Помню еще, как немцы убили моего дядьку, брата отца. Поляка по национальности. Поймали и расстреляли. Он был в советских партизанах. До войны работал на руководящей должности в райкоме партии. Запретили хоронить на католическом кладбище. Могилу вырыли за его пределами, на самом конце. Отец пошел на похороны, несмотря на предупреждения. Мол, хлопнут и тебя там. И взял меня с собой. Мать решила остаться дома.

После войны мы, наверно, как и все мальчишки того времени, любили возиться с оставленными в разных местах боеприпасами, выплавлять из снарядов тол и пускать ракеты. Однажды это привело к трагедии – ученику нашей школы оторвало руку. Война продолжала свое черное дело.

Самолеты над пущей (вспоминает Владимир Гниломедов)

Родился 26 декабря 1937 года в деревне Кругель Каменецкого района Брестской области. Литературовед, писатель. Исследователь в области истории, теории и методологии белорусской литературы и литературной критики. Академик НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор.

Деревня наша расположена неподалеку от западной границы. По прямой – в каких-нибудь двадцати километрах от нее. По любым меркам – это не расстояние. Поэтому признаки приближения войны, о которой все откровеннее говорилось летом 1941 года, люди почувствовали здесь раньше, чем в белорусской глубинке.

Так началась беседа с давним моим знакомым – академиком Владимиром Васильевичем Гниломедовым. Как и в аспирантские годы, он также приветлив и готов к серьезному разговору. Тем более, что тема войны для него не пустой звук. Она прошла и по его только что начинавшейся жизни.

– Тем грозным для страны летом 1941 года, – вспоминает Володя, – над деревней частенько стали пролетать самолеты. Чьи они, никто толком не знал. Гул их был слышен и утром 22 июня, но на него не обратили особого внимания. Привыкли. А через какое-то время радио сообщило, что Германия напала на Советский Союз.

Вскоре появились и сами завоеватели. Они ехали в сто-

рону Каменца на мотоциклах с колясками... С автоматами на груди, в серо-зеленых мундирах с закатанными рукавами и в касках, под которыми блестели черные очки. Спереди на каждом мотоцикле был закреплен пулемет. Сделав короткую остановку в деревне, покатали дальше по дороге на райцентр. Похоже, что это была разведка. За ней, грохоча и поднимая тучи пыли, проследовала военная техника. С одной из машин соскочили солдаты, разделись и стали обливаться колодезной водой. К ним присоединялись новые партии. А потом начался всеобщий обход дворов с изъятием кур, яиц, масла, поросят и прочей крестьянской продукции. Основательно подчистили съестные припасы сельчан.

После первой встречи немцев долго не видели. Огненный вал войны покатился дальше на восток и пущане очутились в глубоком тылу. Но без внимания деревню немцы не оставили. Новая власть появилась уже в середине июля. Избрали старосту и его помощников. Население обязали работать, а продукцию сдавать на нужды рейха. За неповиновение – расстрел. Жить приходилось под постоянным страхом.

Повсюду собирались списки советских активистов – коммунистов, работников НКВД, а также красноармейцев и евреев. Судьба их, судя по слухам из других мест, была предрешена – расстрел. У нас в пособники Советов записали даже начальника почты. Отвезли его в Каменец и долго с пристрастием допытывали, а в конце допроса жестоко побили. Чудом удалось избежать смерти.

А полицаи за малейшую провинность наказывали даже мальчишек. Однажды и я попал под их скорую на расправу руку. В тот нестерпимо жаркий летний день пас гусей за околицей. Птицы мирно пощипывали траву, в которой безмолжно стрекотали кузнечики, а я пробовал жевать горьковатый на вкус придорожный щавель. Пытаясь еще чем-нибудь развлечься, во весь голос затянул любимую песню:

«Расцветали яблони и груши,
поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
на высокий, на берег крутой...»

Допеть мне не дали. Неожиданно из-за спины выехала большая группа жандармов и полицейских на велосипедах. «Попался! Твою мать! – грязно выругался старший из полицаев, которого я знал в лицо. – Думаешь, снова пришли Советы? Может, еще и «русскую» нам станцуешь?» Остальные в тон главарю дружно зареготали.

Моя попытка убежать, была тут же пресечена и еще более разозлила жожака. Совершенно озверев, он сорвал с моей поникшей головы кепку-восьмиклинку, сжал ее мягкую часть в руке и со словами: «Ах ты, гаденыш!» – с размаху хлестанул меня козырьком по лицу. Из носа брызнула кровь, из глаз полились слезы.

Словно почуяв беду своего хозяина, нас обступили гуси, устроили гам, стали махать крыльями и дергать чужаков за

штаны. Они явно хотели меня защитить. Но, что могли сделать против банды рослых великанов беспомощные, хотя и храбрые птицы. Кончилось тем, что меня привели домой и отчитали бабушку за то, что внук разводит советскую агитацию. «Чтоб больше такого не повторялось!» – бросил главный полицаи напоследок. После этого случая я старался на глаза немецким прислужникам не попадаться.

В таком огромном лесистом краю, как наш, конечно, не могло не существовать партизан. Чтобы уменьшить их контакты с местным населением, немцы выселили людей из ряда пушанских и припушанских сел, конфисковав у жителей самый необходимый в обиходе инвентарь: упряжь, телеги, колеса и многие другие нужные вещи, а заодно лошадей, свиней и овец. Деревни после этого спалили. Под страхом смерти запретили и посещение родных пепелищ. Чрезвычайность мер была вызвана еще и тем, что в пуще размещалось охотничье хозяйство самого Германа Геринга, высокопоставленного сподвижника Гитлера. Ничья посторонняя нога не должна была сюда ступать.

Партизаны совершали диверсии на дорогах и в других местах, а немцы в отместку уничтожали ближайшие села. Веску Лески они сожгли вместе с жителями. Случилось это весной 1943 года. Наша деревня также жила в постоянном страхе. Она еще оставалась целой, но страдала от поборов. С местной церкви новые хозяева не постеснялись снять даже церковные колокола. Непокой вносили и мародеры, рядившиеся

в маски партизан. Как-то ночью в наш дом зашли двое вооруженных людей. Потребовали еды, а потом стали шарить по закромам, да еще покрикивать на хозяев. Забрали все, что им понравилось из продуктов и одежды. А уходя приказали всем оставаться на месте до рассвета.

Однажды в деревню заскочили конники партизанского соединения Ковпака. Напоили лошадей, вычерпав из колодца всю воду. Напились и отдохнули сами. И ускакали, заминировав за собой дорогу на Каменец. Когда на ней подорвалась немецкая машина, все население деревни согнали в одно место и поставили перед толпой пулеметы. Готовились расстрелять. Но в последний момент подъехал какой-то высокий чин на мотоцикле и отменил казнь. Оказывается, из немцев на дороге никто не погиб, разорвало только машину. Это и спасло людей. Потом все же немцы заставили пробороновать тракт, чтобы очистить его от мин. Опасную работу пришлось выполнить сельчанам. Слава богу, никто из них не пострадал.

За две недели до прихода наших отца назначили старостой и это его едва не погубило. Сначала прицепились те двое, что нас ночью ограбили, а позже – сотрудники СМЕР-Ша. Пришлось выкладывать все карты о своей связи с командованием одного из партизанских отрядов. И те, и другие имя командира хорошо знали. Оно было на слуху в округе за смелые вылазки против оккупантов. Отца пришлось отпустить. Потом его вместе с другими военнообязанными на-

правили в действующую армию.

Ну, а день освобождения – 5 июня 1944 года я хорошо помню. Сначала прошли немецкие солдаты (часть из них ночевала на соломе в битком набитых хатах). А следом – наши. Усталые, запыленные, но радостные. А как ликовали те, кто их встречал! Долгая черная ночь над родными крышами, наконец, кончилась. И пусть впереди еще людей ожидали немалые трудности, жить дальше можно было без каждодневной тревоги за себя и за своих близких.

**Дети войны (вспоминает
Иван Лиштван)**

Родился 3 ноября 1932 года в деревне Большая Дайнова Воложинского района Минской области. Исследователь в области физикохимии торфа. Академик НАН Беларуси, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники БССР.

Начало войны для советских войск в Белоруссии сложилось трагически. Фронт был прорван в нескольких местах, в танковых клещах оказались основные силы Красной Армии. Те, кто смог вырваться из окружения, в беспорядке отступали: кто с оружием, а кто и без. Красноармейцы шли по полям, через деревни, держась ближе к лесу, потому что немцы леса боялись. А по дорогам катили немецкие «панцерны»... Было очень страшно. Война. Смерть. Умирать никто не хотел. Одним словом, – оккупация и немцы. Хотя поначалу они ничего плохого не делали, но все равно было очень страшно.

Ужас первой встречи с немцами остался в памяти на всю жизнь. В тот июньский день 1941-го я крутился возле будущего дома, который отец строил как раз напротив новенькой хаты деда Богдана. Мама работала на огороде, который располагался рядом. Тепло, поют птицы, жужжат пчелы... Хорошо! И вдруг в эту сельскую идиллию вторгся стрекот двух мотоциклов. Я с криком бросился к матери: «Немцы, мама, немцы! Прячемся!»

В годы войны в Большой Дайнове не было немецкого гарнизона. Да и партизаны, когда они появились, действовали

по большей части где-то в стороне. Мы, как и многие крестьяне деревни, жили той же размеренной селянской жизнью, что и до войны. Немцы облагали крестьян определенным налогом на молоко, зерно, мясо, яйца, сено и т. д. За сданную продукцию им вначале даже платили. Как-то за сельхозпродукты немцы привезли даже набор посуды – тарелки, ложки, вилки. Но так было только в первые месяцы оккупации. Впоследствии с ростом партизанского движения отношение фашистов к местному населению изменилось коренным образом, ужесточилось неимоверно.

Как кошмарный сон вспоминаю это время, когда не один раз находился между жизнью и смертью. Как и другие сверстники – дети войны, испытывавшие все ее ужасы и тяготы. Рано повзрослевшие, тянувшие на себе груз тяжелой мужской работы. Сегодня их осталось не так уж много. Считаю, что долг ныне живущих не забывать о них. Не надо их сравнивать с ветеранами войны, фронтовиками; с теми заслуженными людьми, которые ковали победу в тылу; с партизанами и подпольщиками. Это – особые люди, и то, что государство чтит их, более чем заслуженно.

Но верно и то, что дети войны также вынесли на своих плечах такие беды, которые не пожелаешь и врагу. Сколько юношей и девушек попало, к примеру, не по своей воле в Германию и оккупированные ею страны? В институте у нас работали двое сотрудников, которых подростками вывезли в Германию, где их использовали в качестве доноров. Из них

сосали кровь!!! Разве такое можно забыть?

– Оккупация... – вздыхает Иван Иванович. – Тяжелое для детей время. Но школа работала, нас учили. Не немцы, а преданные Родине учителя. Учили по советским учебникам, которые скрывались от оккупантов и их прихвостней – полицеев. Конечно, такую учебу полноценным учебным процессом можно назвать лишь условно, и все же дети усердствовали, получая пусть разрозненные, пусть отрывочные, но знания.

С развитием партизанского движения и ответных карательных акций оккупантов наш молодой учитель (к сожалению, не запомнил его имя) часто говорил ребятишкам: «На сегодня хватит. По домам! Предупредите родителей о том, что в соседней деревне сожгли несколько домов – за связь с партизанами».

Здесь Иван Иванович высказал и свое отношение к поведению крестьян во время оккупации, которое, по его убеждению, было разным. «Западники», увы, были настроены не так патриотично, как крестьяне-«восточники». Еще во времена польского панства «западники» надеялись, что поляки что-то им дадут. Напрасные мечты! Даже поговорка родилась: «Обещал пан бычка, а дал тычка». На те же грабли наступили «западники» с приходом немцев: думали, что немец им что-то даст. Наивные расчеты, конечно. Немцы никогда никому ничего не давали. Они только брали!

Часть юношей из Большой Дайновы и соседних деревень были мобилизованы в так называемые вспомогательные вой-

ска. Они носили форму серого цвета, стояли гарнизоном в Воложине, охраняя немецкие коммуникации – железные дороги, мосты и т. д. Впоследствии судьба этих парней была очень непростой.

Очень важно в связи с затронутой темой вспомнить и такой момент. 1939 года у власти в Западной Белоруссии оказались бедные люди. А почему они были бедными? Потому что или не хотели, или в силу разных причин не могли вкалывать до седьмого пота, как другие. Но помахать руками, покричать на сходе, это пожалуйста. «Горланы-главари» – так, кажется, называл их великий пролетарский поэт.

Когда началась оккупация, часть этих людей ушли в лес и стали считать себя партизанами. Но какие это были партизаны, можно судить хотя бы по такому факту: узнав, что у отца имеются в наличии кожаные сапоги и шерстяной костюм, пришли в его дом и забрали эти вещи. Под угрозой расстрела, поставив хозяина дома к стенке. Лжепартизаны! Мародеры! А как поступают с мародерами во всех воюющих армиях мира? Однозначно! К сожалению, факт этот был далеко не единственный на фоне той организованной партизанской борьбы с немцами, которую вели патриоты.

Я с большим почтением отношусь к советским солдатам, попавшим в окружение, а затем в плен в роковом 1941 году. Многие из тех, кому удалось вырваться, осели по деревням, стали «примаками» или нанялись к хозяевам. У нашего соседа был такой работник Иван, кажется, из Воронежской об-

ласти. Высокий, здоровенный парень, с которым я очень подружился. В шутку он называл себя Иваном Большим, а меня Ваней Маленьким. Иван Большой был оптимистом, всегда находил ответы на самые «проклятые» вопросы. Дружески похлопывая меня по плечу, неизменно твердил: «Все будет хорошо. Вот увидишь, Ваня!»

Но однажды, в один из апрельских дней все «восточники» из нашей и соседних деревень ушли в лес. В партизаны. У них была своя организация, свои командиры. Вот эти люди и стали ядром настоящих партизанских отрядов.

Все «восточники» ушли, а мой друг Иван почему-то остался. Замешкался, наверное. Его арестовали и повели двое полицаев. Но вот Иван, выбрав удобный момент, схватил левой рукой одного, правой – другого. Разом сдвинул и стукнул их лбами. Те дружно рухнули в кусты. Захватив карабин полицая, Иван исчез в густом лесу. Все это произошло мгновенно, но осталось в моей памяти навсегда. С той поры и началась в нашем краю настоящая партизанская борьба с немецкими оккупантами.

В Институте торфа, которым я руководил, многие годы работал Герой Советского Союза Федор Алексеевич Малышев. Вот это был истинный лесной боец! Он партизанил с начала войны и подорвал 18 эшелонов с боевой техникой и живой силой противника. Малышев много рассказал тогда, как организовывалось партизанское движение, о боевых делах народных мстителей, об особенностях партизанского бы-

та, о лжепартизанах и о фактах борьбы с ними партизан настоящих...

Однажды ночью, перед Рождеством, в дверь нашего дома постучали. В это морозное время крестьяне обычно закалывали кабанов, коптили мясо, засаливали сало. Словом, готовили продукты питания для семьи на целый год. Так было и теперь.

В дом вошли пятеро военных в коротких кожаных куртках, с автоматами. В форме бойцов Красной Армии, что поразило больше всего. Вся семья, конечно, застыла в ужасе. Ходили слухи, что если приходили так называемые лже-партизаны, то они уносили все подчистую. Не оставляя ничего хозяевам. Могли и убить, такое тоже случалось.

Но здесь все пошло по-иному. Старший из пришедших попросил хозяйку: «Сварите нам большой горшок картошки. Если у вас есть соленые огурцы или капуста квашеная, пожалуйста, дайте нам». А сами вышли во двор, чтобы не мешать. Мать захлопотала у печи. Отварила картофель «в мундирах». На стол поставила большую миску огурцов и миску капусты. От себя решила зажарить сковородку сала. Партизаны в это время были во дворе, курили, разговаривали. Затем хозяйка пригласила их кушать.

За стол сели, кажется, более десятка человек. Стульев тогда, понятно, не было. Имелись большие лавки. Партизаны достали свои консервы, свой хлеб и принялись за еду. И тут мать ставит перед ними сковородку с жареной свиной. Но

партизанский командир отказывается: «Мы вам это не заказывали. Оставьте себе».

Правда, она настояла на своем – мол, угощаем от души. Партизаны с аппетитом съели все, что было на столе, выпили кипятка с деревенскими душистыми травами, потом встали, поблагодарили хозяйку и сказали, что они идут минировать железнодорожную линию Минск-Гродно. И тут один из них обратился к отцу: «Наш товарищ сильно натер ноги. Мы хотели бы оставить его на время у вас, но если вы боитесь...» Папа на это ответил: «Действительно, боимся. Вы же знаете, как жестоко расправляются немцы с теми, кто помогает партизанам. Потом, кто-то, наверняка, уже видел, как вы прошли к нам, могут донести... Понимаете? Лучше я дам вам свою лошадь с санями». А что такое в хозяйстве лошадь с санями, объяснять не надо.

Командир согласился и заверил: «Вы не беспокойтесь, на следующую ночь мы обязательно вернем вам все». Отец, конечно, волновался, переживал, а вдруг обманут! Но через день лошадь с санями уже стояла на нашем подворье.

Именно такие, настоящие партизаны сыграли огромную роль в развертывании партизанской борьбы. Это были люди, настроенные патриотически, любящие свою Родину, землю, Отечество.

Как-то в деревню приехала группа немцев, собрали детей, погрузили их в машины. Родителям сообщили, что детей взяли перебирать картофель на бывшую помещичью усадь-

бу. Но... привезли на железнодорожную станцию, в десятке километров от Воложина. По моему сегодняшнему размышлению, их планировали отправить в Германию, в рабство. Но что-то у фрицев не сложилось. Оказывается, и у пунктуальных немцев бывали нестыковки. Продержав детей целый день, их затем отпустили по домам, где родители уже не находили себе места. Так я избежал возможной гибели в первый раз.

Во второй раз это случилось во время облавы. Немцы окружили деревню. Плач, крики. Соседнюю – уже сожгли за связь с партизанами. То, что они часто бывают и в Большой Дайнове, оккупантам было известно. И вот всех жителей согнали в сарай. Судьба деревни была предрешена. Я в этот момент находился возле строящегося дома, где и спрятался.

Но что делать дальше в такой непростой ситуации? Оглядевшись, заметил, что из полицейского оцепления староста деревни Лиштван (он был однофамильцем, но не родственником) ведет корову. Я сообразил: старосту выпускают за запретную черту. Подбежал к нему (староста, конечно, меня знал) и стал как-бы помогать вести животное. Так и вышел из немецкого окружения. Судьба самого старосты оказалась трагичной. После прихода Советской власти он был осужден как немецкий пособник, сослан в Сибирь, где и затерялись его следы.

Выйдя из немецкого оцепления, наши пути с Лиштваном-старостой разошлись. Разразился ливень и я пошел в

лес. И заблудился. А в это время в деревню приехал немецкий офицер высокого ранга и дал команду распустить по домам задержанных жителей. Родные вернулись в хату, а ребенка нет. Начали искать. Разыскивали двое суток, пока я сам не вышел на какую-то деревню. А уже оттуда дали знать родителям, что мальчик нашелся.

Еще один случай накрепко врезался в память. Жители деревни вели заготовку строевого леса и вывозили его на железнодорожную станцию. Немцу-охраннику показалось, что один из сельчан спилил плохую сосну. Этого крестьянина начали истязать плетьюми. Я не выдержал и крикнул что-то негодующее. В отместку фриц ударил и меня плетью. А мог бы спокойно застрелить!

Это только несколько запомнившихся эпизодов из детской жизни. Я видел смерть, видел, как расстреляли двух советских военнопленных и многое другое, на что лучше бы ребенку не смотреть.

Не забывается и такой случай. Отец многие годы страдал от тяжелого ранения в бедро. Рана очень долго не заживала. А лекарями в то время были главным образом евреи. Во время войны их преследовали особенно жестоко. А у нас возле дома существовал сарай, в котором хранилось зерно, лен, сено. Последнее клалось на специальные деревянные полати. А чтобы сено могло «дышать», между полатами и землей оставляли промежутки. Человек некрупной комплекции мог там свободно пролезть.

Однажды я обнаружил там незнакомых людей – мужчину, женщину и двоих детей – и сообщил об этом папе. Оказалось, что это была еврейская семья из Воложина. Они хорошо знали отца – лечили его и надеялись найти в его семье временный приют. А тогда повсюду висели приказы германского командования о суровых мерах наказания для тех, кто прятал военнопленных, коммунистов, евреев или оказывал им помощь. Но людей надо было спасать... Еврейская семья пробыла у нас некоторое время, затем ее снабдили продуктами питания, и она незаметно покинула сарай, отправилась дальше по намеченному ею маршруту.

Во время оккупации на человека с оружием в руках смотрели со страхом. Если поблизости появлялись немецкие солдаты, население, как правило, пряталось. Боялись и немецких самолетов, которые зачастую летали довольно низко: немцы выслеживали с воздуха лагерь партизан. Особенно гонялись вражеские летчики за лыжниками. В их представлении любой лыжник – это и был ненавистный им партизан. Поэтому, когда мы со сверстниками замечали эти самолеты, то бросали палки и застывали неподвижно на месте.

Много было в войну разных эпизодов. Очень часто семья уходила ночевать к родным на хутора, чтобы на следующий день вернуться домой. Всего боялись. Боялись за свое хозяйство. Боялись за свою жизнь. Жили с оглядкой.

Однажды детей отпустили из школы пораньше – немцы бесчинствовали в соседней деревне. Я стал упрашивать ро-

дителей уйти в партизанскую зону. Но отец не мог на это решиться по состоянию здоровья. Единственное, что он сделал – неподалеку от дома соорудил блиндаж с полатями, на которых лежало сено, а сверху одеяла. Мы часто прятались в этом убежище. Маскировка была слабенькая, но все же это как-то успокаивало. Правда, младшая сестра Галя, родившаяся в 1939 году, могла своим криком выдать местонахождение семьи, когда она пряталась в блиндаже или в другом месте. Но бог миловал.

Шла жесточайшая война, и опасность угрожала отовсюду. Как же трудно психологически каждый день быть в невероятном напряжении, ожидая в любой миг самого страшного!

Во время стремительного наступления советских войск в Белоруссии летом 1944-го многие соединения противника оказались в многочисленных «котлах». Фронт ушел далеко на запад – в Прибалтику и Польшу. Но в нашем краю еще оставались многочисленные немецкие группы, которые упорно шли на запад. Шли ночами, днем – отлеживались в лесах. И эти фрицы были очень злые, жестокие. Они брали все, что попадало под руку: сало, масло, яйца. Но в первую очередь забирали лошадей и повозки, среди отступавших было немало раненых.

Подростки, в числе которых был и я (а мне в 1944-м уже шел двенадцатый год), угоняли по ночам лошадей в самые глухие места лесов, где прятали их от немцев. И вот однажды я не смог отправиться в ночное со сверстниками, остался но-

чевать дома. Замешкался из-за того, что отец задержался на работе... Одна из немецких колонн наткнулась на группу ребят, в которой должен был быть и я. Фашисты зверски расправились с захваченными людьми: положили их на землю и убили выстрелами в сердце. Судьба оказалась милостива ко мне и в этот раз! Среди погибших находился мой двоюродный брат Миша. Из-за того, что кругом шли бои, Мишу не смогли захоронить сразу, и его тело пролежало в погребке несколько дней.

Война такой вдавила след
и столько наземь положила...

Эти суровые симоновские строки часто приходят мне на память.

(Из книги В. А. Алешко. Академик Иван Иванович Лиштван. Ученый и человек / В. А. Алешко. – Минск, 2008. – С. 24–32.)

Дорогами испытаний
(вспоминает Владимир Логинов)

Родился 8 марта 1940 года в деревне Зеленовка Городокского района Витебской области. Исследователь в области геоэкологии и климатологии. Академик НАН Беларуси, доктор географических наук, профессор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь в сфере науки.

Перед самой войной отца перевели начальником лесоучастка в городской поселок Юратишки Лидского района. А когда эта беда грянула, он в первые же дни вражеского нашествия ушел на фронт. Первый бой принял под городом Ярцево в Смоленской области, где и был ранен. По его рассказу, не все в атаку шли с оружием, которого, видимо, хронически не хватало. Рядом с вооруженными людьми бежали и безоружные, готовые поднять выпавшую из рук убитых винтовку или автомат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.